

С тех пор как у них появился перец, Вэй Цю постепенно начал добавлять сушеный чили в свои блюда, и Чэн Шинань воспринял это новшество на ура!

Сегодняшняя лапша ручного замеса особенно пришлась Шинаню по вкусу: само тесто было упругим и гладким, а мясная заправка — ароматной и наваристой. Стоило перемешать всё с зеленью, как в нос ударил густой пряный аромат, от которого пробуждался волчий аппетит. Оба ели, не поднимая головы.

Шинань расправился со своей порцией быстро, а Вэй Цю так и не смог доесть — слишком сытно. В итоге остатки из его чашки перекочевали к мужу, который прикончил их в пару глотков.

После еды оба чувствовали приятную тяжесть. Когда посуда была вымыта, Шинань поплотнее закутал Вэй Цю в ватную куртку и вывел во двор — немного пройтись, чтобы еда лучше улеглась. После прогулки они умылись и вместе попарили ноги. У Вэй Цю вечно мерзли ступни, и согреться в постели без этой процедуры ему было трудно, к тому же ванночки с полынью были очень полезны.

Шинань сам вытер ноги мужу, затем вынес воду и, вернувшись, задул лампу. Улегшись, он привычно притянул Вэй Цю к себе и вытянул ноги, чтобы согреть его своими. Вэй Цю уже так привык к этому, что послушно прижался поближе, позволил зажать свои ступни между его лодыжками и с комфортом закрыл глаза.

Иногда, если юноша слишком долго ворочался, Шинань похлопывал его по спине, пока тот не засыпал. Так случилось и этой ночью: стоило Вэй Цю пару раз шевельнуться, как Шинань принялся легонько баюкать его, словно ребенка. Вэй Цю счастливо зажмурился, погружаясь в сон. Убедившись, что супруг спит, Шинань убрал руку, еще крепче прижал его к себе, украдкой поцеловал в уголок губ и удовлетворенно заснул.

На следующий день погода испортилась. Поднялся шквальный ветер. Вэй Цю, маясь от безделья, решил затеять дома выпечку бисквита, а всё потому, что...

Чэн Шинань ушел к Мэн Цюаню. Прошлой ночью на их заднем дворе повалило старое дерево, которое рухнуло прямо на амбар! Шинань вместе с другими деревенскими парнями отправился помогать с ремонтом. В доме Мэнов сейчас было полно народу, поэтому их четырехлетнего сына по прозвищу Дань-дань («Яичко») отправили на передержку к Вэй Цю, прихватив заодно еще двоих детей из семей помощников.

Опыта в воспитании детей у Вэй Цю не было, поэтому он не придумал ничего лучше, как привлечь их к выпечке пирога! Трое малышей слышали от своих отцов, что «фулан Цю-Цю» готовит необыкновенно вкусно, поэтому теперь они послушно сидели на табуреточках и наперебой спрашивали нежными голосками:

— Момо Цю-Цю, когда уже можно будет кушать?

Сердце Вэй Цю таяло при виде этих троих кругленьких карапузов. Он поспешил их успокоить: — Скоро-скоро! Еще капельку подождите...

Поняв, что пока нельзя, дети сидели смирно, но их маленькие носики то и дело ловили доносившийся из печи густой аромат, заставляя их постоянно сглатывать слюну. Вэй Цю стало их жаль, и он быстро напек им каштанов, чтобы те могли немного перекусить и утолить первое

нетерпение. Малыши ели с таким аппетитом, что их щеки раздувались, делая их похожими на упитанных хомячков.

Наконец бисквит был готов. Вэй Цю вытащил его — это был первый раз, он немного не рассчитал температуру, и края слегка подгорели, но на вкус это не повлияло! Подгоревшие части он обрезал для себя, а середину разделил на три больших куса и раздал детям.

Дань-дань и его товарищи вцепились в мягкие пышные ломти. Стоило им откусить по кусочку, как их маленькие глазки округлились от изумления.

— Сладкий! И такой мягкий! момо Цю-Цю, как вкусно! — Дань-дань от радости запрыгал на месте. Остальные двое тут же присоединились к нему.

Вэй Цю поспешил усадить их обратно: — Не прыгайте, а то животики разболятся. Ешьте медленно.

Троица сидела, болтая короткими ножками и уплетая куски бисквита, которые были едва ли не больше их лиц. Когда они съели по половине, Вэй Цю велел им остановиться, боясь, что они переедят. Малыши нехотя отложили лакомство.

Глядя на их просящие мордашки, Вэй Цю усмехнулся: — Животики уже полные, хватит пока. Я приберегу остальное для вас! А теперь выпейте теплой медовой водички.

Он напоил их, ослабил завязки на одежде (у печки их щеки совсем покраснели от жара) и принялся рассказывать сказки. Дети слушали истории о чудесах с замиранием сердца.

Когда вечером за ними пришли родители, малыши вцепились в ноги Вэй Цю и подняли такой рев, что их не могли увести!

В их маленьких головках крутилось: «Дома не будет каштанов, ароматных пирогов, сладких танъюаней и волшебных сказок момо Цю-Цю...»

Вэй Цю, смеясь, пообещал им, что они могут приходить в любое время. Только получив по куску бисквита в дорогу, дети, всхлипывая, позволили себя унести.

Как только в доме стало тихо, Вэй Цю без сил рухнул на кан. Наконец-то покой! Он никогда еще так долго не возился с детьми. Хотя они и были послушными, он всё время боялся сделать что-то не так.

Чэн Шинань застал его в состоянии «ленивого тюленя».

— Устал?

— Немного... не критично. — Вэй Цю спохватился и сел. — Я оставил тебе кусочек пирога, попробуй, понравится ли?

Он выставил тарелку. Шинань откусил кусок. М-м... Ароматно, мягко и сладко! Глядя в сияющие глаза мужа, Шинань искренне похвалил:

— Очень вкусно. Лучшая сладость, что я пробовал.

— Раз нравится — я рад! — просиял Вэй Цю.

— Трудно такое готовить? — Шинань мельком взглянул на руки Вэй Цю.

— Да нет, не особо, — с улыбкой покачал головой тот.

Пока Шинань ел, Вэй Цю принес ему воды и расспросил о делах: — Как там у брата Мэна?

— Починили. Придавило только одну сторону, ничего серьезного, — Шинань доел пирог, допил воду и почувствовал, что вполне сыт.

Они сидели на кане, и Шинань рассказывал о ремонте. Ветер снаружи завывал всё сильнее, входная дверь в главной комнате то и дело грохотала. Вэй Цю в душе радовался, что они сменили крышу, иначе такой ветер мог бы запросто её сдуть. Ужинать особо не хотелось, так что они перекусили по мелочи и легли спать.

Ночью Вэй Цю спалось тревожно. Ветер ревел, бился в окна, двери скрипели, а из леса доносился треск ломающихся деревьев. Юноша вздрагивал от каждого громкого звука, боясь, что крыша рухнет и их завалит. Шинань крепко прижал его к себе, закрыв его уши ладонями. Вэй Цю, вцепившись в край его одежды и нахмурившись, прятался в его объятиях, пока к середине ночи буря не утихла, и они наконец не забылись беспокойным сном...

Утро встретило их полным разгромом во дворе.

Шинань тихо встал. Половину их забора из плетня просто унесло, остались только покосившиеся колышки. Весь задний двор был завален листвой и ветками, принесенными с горы. Курятник тоже пострадал. К счастью, кур они еще вечером перенесли в дом, так что Шинань первым делом принялся расчищать задний двор, чтобы выпустить их — нечего им в доме шуметь и будить Вэй Цю.

Когда Вэй Цю проснулся и услышал шум работы, он понял, где муж. Торопиться не стал: умылся теплой водой с печки и поставил вариться простую кашу из разных злаков. Затем он замочил сушеные побеги бамбука — решил их обжарить, а к ним напечь тонких лепешек. В муку добавил щепотку соли, вбил яйцо и замесил тесто.

Лепешки он жарил на медленном огне, слегка смазав сковороду свиным жиром. Так они сохраняли первозданный аромат пшеницы с легким соленым оттенком. Снаружи они получались хрустящими, а внутри — упругими; чем дольше жуешь, тем вкуснее.

Как только каша была готова, он быстро обжарил бамбук: имбирь и чеснок в масло для аромата, затем побеги, капля соевого соуса, соли и пара капель уксуса. Главное — не передержать, иначе бамбук станет жестким.

Затем настала очередь лепешек. Он скатывал шарик теста и прямо на сковороде придавливал его рукой, делая лепешку как можно тоньше. Такие пропекаются мгновенно. Старики говорили: «У пшеницы сердца нет — три раза переверни и ешь!». В детстве он часто прибегал из школы голодным и крутился у плиты, пока бабушка жарила ему такие лепешки на свином жире. Именно на свином — на растительном вкус совсем не тот. Каждый раз он донимал её вопросом: «Ну что, готово?», и она повторяла эту присказку. Он смог в точности воссоздать рецепт бабушки...

Вэй Цю тихонько улыбнулся и прошептал про себя: «Бабушка, смотри, теперь твоему внуку есть с кем разделить эти лепешки...»

— Ши-гэ, иди завтракать! — крикнул он.

У порога тут же слышались знакомые шаги. Вэй Цю подал мужу воду для умывания.

Шинань, вытирая лицо, спросил: — Что так рано встал? Я тебя разбудил?

— Нет, просто проголодался.

— Тогда садись скорее есть.

— Тебя жду.

За едой Шинань, изрядно проголодавшийся, жадно прихлебывал кашу. Вэй Цю разломил лепешку пополам и протянул ему часть.

— Как тебе сегодня? Вкусно?

— Очень. Хрустит, а внутри тягучая, — Шинань одобрительно кивал, не переставая жевать.

Вэй Цю был счастлив: что бы он ни приготовил, Шинань всегда ел с таким аппетитом, будто это лучший деликатес.

— Забор совсем разнесло, что будем делать?

— Схожу в лес, нарублю бамбука. Надо вбить колья поглубже.

— Хорошо, я пойду с тобой.

Весь день они потратили на починку ограды. Сделали её высотой по подбородок Вэй Цю. Жить у подножия горы зимой небезопасно — хоть звери давно не нападали на деревню, береженного бог бережет. Решили перед большими снегами еще и ловушки расставить вокруг забора для страховки.

Вечером, после трудового дня, Вэй Цю решил приготовить оленину, которую прислали обратно семьи старосты и Цянь Миня. Шинань не дал продать её, настояв, чтобы Вэй Цю поправил здоровье. Часть съели свежей, остальное Вэй Цю замариновал.

Сегодня он потушил её с редькой. Пока бульон томился, он испек партию паровых булочек (маньтоу). Уставшие, они уселись у печи. Суп из оленины побулькивал, источая нежный аромат. Вэй Цю добавил только соль, перец и лук. Хоть мясо и было подсолено заранее, он его вымочил, так что вкус остался свежим.

Вэй Цю с удовольствием выпил две миски.

Шинань то и дело подкладывал ему лучшие куски мяса: — Не только суп пей, мясо ешь.

— Хорошо. Ты тоже ешь!

Вэй Цю в ответ подкладывал мясо мужу. Тот за время ремонта изрядно вымотался.

Шинань съел немало оленины и три огромных булочки. Вэй Цю насытился одной. Шинань нахмурился и разломил еще одну пополам, подпихивая ему. Он очень переживал, что юноша ест как птичка. За два месяца у Вэй Цю только цвет лица улучшился, а веса почти не прибавилось.

Вэй Цю, грызя булочку, посмотрел на него своими большими глазами: — Ши-гэ, не смотри так!

Я обязательно поправлюсь.

Шинань со вздохом отвел взгляд: — Тогда ешь побольше. Скажи, если захочется чего-то особенного.

— Обязательно скажу, не волнуйся! — пообещал Вэй Цю, поглаживая сытый животик.

<http://bllate.org/book/17091/1595881>